К вопросу о перспективах развития ностратического языкознания

Георгий Старостин

В статье дается краткая характеристика текущего состояния и актуальных проблем т. н. «ностратической» гипотезы, разработанной в 1960-е гг. В. М. Иллич-Свитычем и А. Б. Долгопольским и предполагающей дальнее генетическое родство между собой ряда крупных языковых семей Старого Света (как минимум — индоевропейской, уральской, алтайской, картвельской и дравидийской). В ходе обзора основных направлений современного ностратического языкознания показано, что большинство из них сегодня делает упор скорее на «количестве», нежели на «качестве» данных, что приводит к нереалистичному характеру ностратической реконструкции и, тем самым, скорее ослабляет, чем подтверждает гипотезу. Более перспективным видится подход, при котором в центре внимания оказывается небольшой, но исторически устойчивый слой базисной лексики, параллели внутри которого не только доказательнее сами по себе, но и легче поддаются формализации. Именно этот подход сегодня лежит в основе проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных», в цели которого, в том числе, входит и обоснование таких масштабных гипотез, как ностратическая.

О термине

Термин «ностратическое языкознание», или, короче, просто «ностратика», сегодня используется по меньшей мере в двух, довольно сильно отличающихся друг от друга, значениях. В профессиональной литературе под ним обычно понимается относительно узкое направление в историческом языкознании, занимающееся сравнительным исследованием языковых семей, предположительно входящих в так называемую «ностратическую» макросемью, и реконструкцией фонологии, лексики и грамматики их гипотетического общего предка — праностратического языка. В неформальном узусе, однако, сегодня нередко можно встретить и гораздо более широкое понимание термина «ностратика» — как области, занимающейся вообще любыми исследованиями в области дальнего родства языков, вплоть до так называемых «глобальных этимологий», с помощью которых некоторые лингвисты обосновывают происхождение всех языков планеты от общего предка.

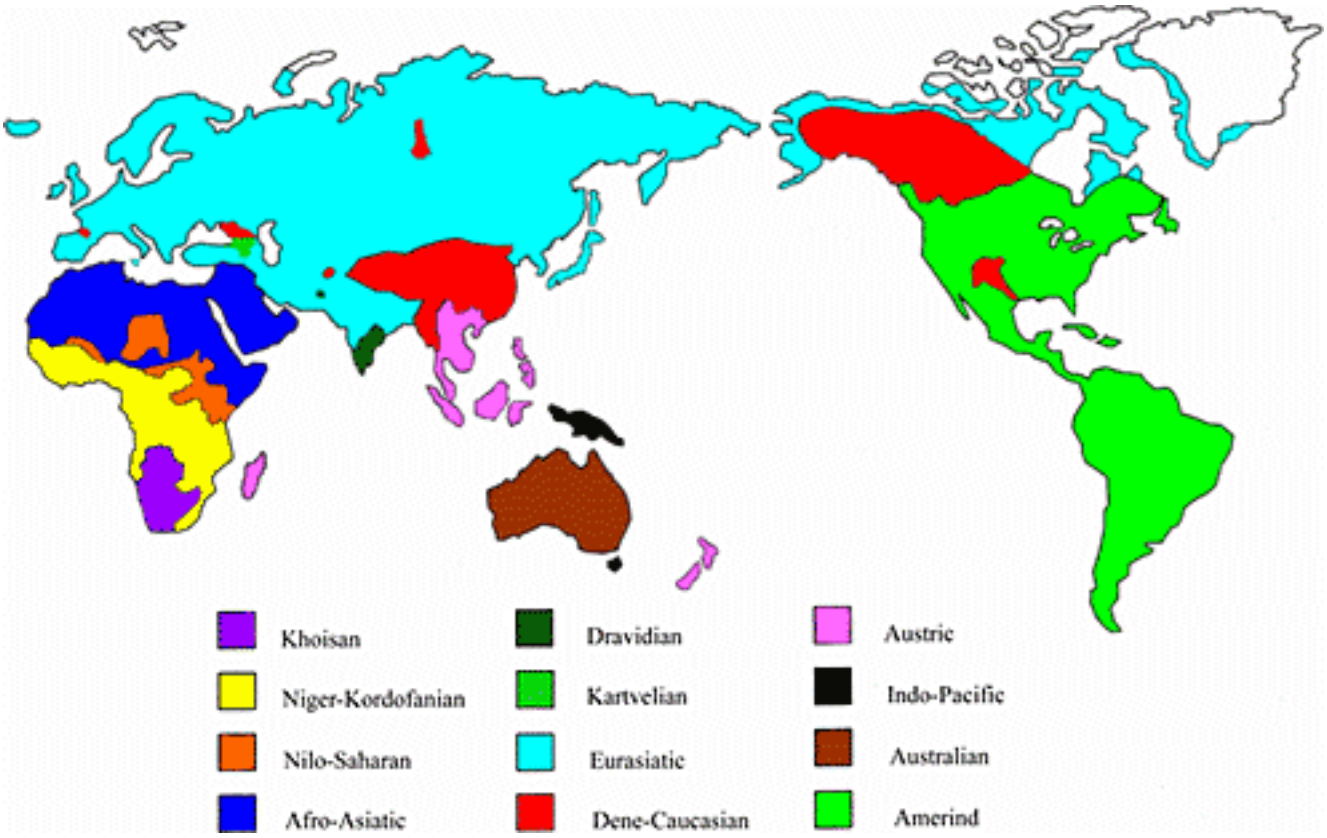
Несмотря на очевидную некорректность такого узуса (путать «ностратику» с «макрокомпаративистикой» — примерно то же самое, что путать «индоевропеистику» со «сравнительно-историческим языкознанием» как таковым), причина его легко объяснима: как индоевропейская семья языков в свое время была основным полигоном, на котором разрабатывался и отшлифовывался сравнительно-исторический метод, точно так же и работа над обоснованием ностратической макросемьи и реконструкцией ностратического праязыка заложила прочную методологическую основу для дальнейших исследований в области «глубокого» родства языков и языковых семей. Это, в свою очередь, накладывает на современные исследования в области ностратики и определенные обязательства — раз уж именно ностратической гипотезе выпало стать «эталоном» макрокомпаративистики, то все основные критические претензии, предъявляемые к этому направлению, должны быть нейтрализованы прежде всего на материале ностратических языков. Претензий же этих немало.

Классическая ностратика

«Классическому» ностратическому языкознанию, если отсчитывать его начало не от выхода в свет знаменитой статьи Хольгера Педерсена [Pedersen 1903], в которой автор впервые предложил термин «ностратические языки» и на глазок очертил возможные границы предполагаемой макросемьи, а от появления в 1960-е гг. первых по-настоящему серьезных работ по ностратике, связанных с именами А. Б. Долгопольского [Долгопольский 1964a; 1964b] и В. М. Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч 1964; 1968], скоро исполнится пятьдесят лет — срок, в наше время весьма почтенный для научного направления. За этот период ностратика в целом не утратила тех, пусть относительно скромных, но все же серьезных позиций, которые ей удалось завоевать при рождении: вопросами ностратического языкознания до сих пор занимаются авторитетные и талантливые ученые, и это не может не вселять оптимизм. Однако уместно задать и другой вопрос: удалось ли за это же время достигнуть каких-либо существенных сдвигов в ностратике, вывести ее на новый уровень развития по сравнению с первопроходческими работами Иллич-Свитыча?

Впервые этот вопрос был поставлен ребром в печати примерно двадцать лет тому назад, в серии публикаций известного американского лингвиста Алексиса Манастер Рамера [Manaster Ramer 1993; 1994; Манастер Рамер 1995], занявшего, надо сказать, чрезвычайно редкую для американского языкознания критическо-симпатизирующую позицию по отношению к ностратике. Выводы, к которым он пришел, были неутешительны — серьезный прогресс отсутствует, критическая база для оценки гипотезы остается неразработанной, акцент в Московской школе планомерно переместился с собственно ностратической гипотезы на менее рискованную в репутационном плане «зачистку» реконструкций праязыков дочерних семей и тому подобное. Вместе с тем все эти работы неизменно заканчивались оптимистической нотой: в конце концов, рассуждает автор, невозможно заниматься подобного рода «зачистками» до бесконечности, так что рано или поздно

ожидаемый прорыв должен произойти.



Современное расселение носителей ностратических языков: области Eurasiatic + Dravidian + Kartvelian. Автор: Merritt Ruhlen; изображение с сайта The Tower of Babel http://starling.rinet.ru

К сожалению, сегодня можно с уверенностью сказать, что ожидания не оправдались: за те пятнадцать-двадцать лет, которые прошли с момента публикации критических работ Манастер Рамера, прорыва так и не произошло. Вслед за Манастер Рамером мы склоняемся к той же оценке — отдельные интересные и значимые работы по ностратике, иногда очень внушительные по своему объему, все это время продолжали выходить в свет, но в целом со времени публикации сопоставительных материалов Иллич-Свитыча (краткий сравнительный лексикон [Иллич-Свитыч 1967] и три тома ностратического словаря [Иллич-Свитыч 1971; 1976; 1984]) ностратика находится в состоянии перманентного кризиса, который, слегка огрубляя ситуацию, можно охарактеризовать следующим образом: если по-прежнему заниматься ностратикой так, как ей в свое время занимался Иллич-Свитыч, то в этой области ничего существенного сделать уже невозможно — а как заниматься ностратикой *лучше*, чем это делал Иллич-Свитыч, никто до сих пор не придумал.

Кризис сегодня?

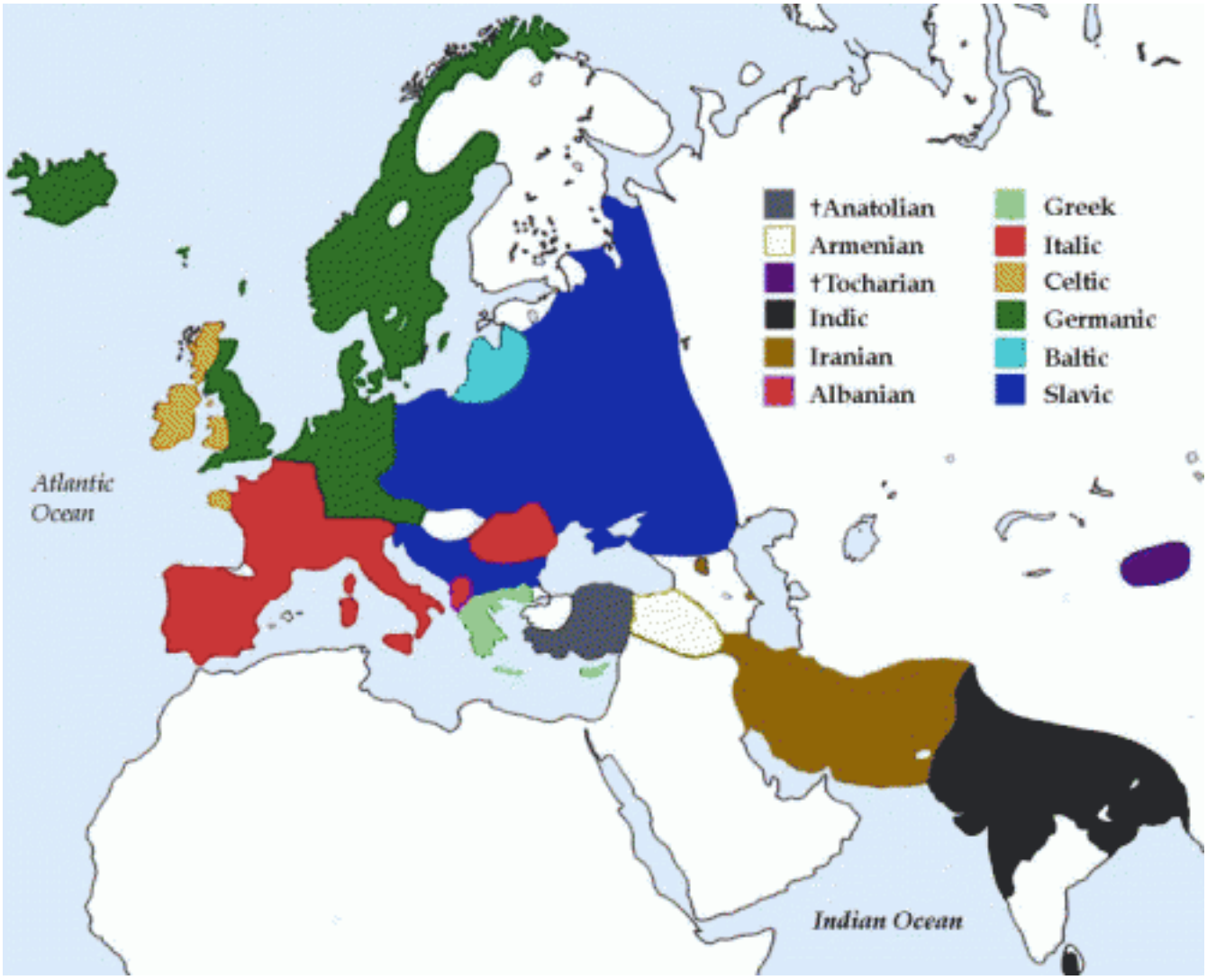
Указанный кризис имеет как внутреннюю, так и внешнюю сторону. Внешняя заключается в том, что за полстолетия своего существования ностратика так и не сумела инкорпорироваться в лингвистический «мэйнстрим», то есть получить статус общепризнанной, авторитетной концепции, в рамках которой могло бы работать целое международное сообщество макрокомпаративистов-ностратологов. Если в отечественной компаративистике ностратика пока еще считается серьезным направлением, в основном благодаря поддержке со стороны столь уважаемых специалистов, как В. А. Дыбо, А. В. Дыбо, С. Л. Николаев, покойные С. А. Старостин, Е. А. Хелимский, и многие другие, то в западной лингвистике отношение к этой дисциплине остается скептическим. Хрестоматийный пример — подробная статья Л. Кэмпбелла [Campbell 1998], автор которой, на примере критического разбора индоевропейского и уральского материала в работах В. М. Иллич-Свитыча (на самом деле — в англоязычных индексах к словарю Иллич-Свитыча, составленных М. Кайзером и В. Шеворошкиным [Kaiser & Shevoroshkin 1988]), категорически отвергает ностратическую гипотезу. Несмотря на то, что разбор Кэмпбелла сам по себе содержит немало фактологических ошибок (подробное обсуждение некоторых из них см. в [G. Starostin 2009]) и во многих отношениях демонстрирует предвзятое отношение к проблематике, исправление этих ошибок вряд ли заставило бы автора работы отказаться от своих выводов, главный из которых (слабость доказательной базы ностратической гипотезы) разделяется сегодня большинством западных лингвистов — по крайней мере, из числа тех, кто проявляет достаточно активный интерес по отношению к этой теме (D. Ringe, E. Hamp, B. Vine, B. Comrie, покойный C. Watkins, и другие).

Само по себе это обстоятельство не трагично: неприятие ностратики отчасти обусловлено текущей мировой конъюнктурой (в

том числе и общим падением интереса к вопросам сравнительно-исторического языкознания в целом), отчасти — рядом чисто формальных и легко исправимых недостатков основных работ по ностратике (так, например, до сих пор отсутствует последовательное и подробное англоязычное изложение теоретической базы этой дисциплины). Однако, если и в дальнейшем позиции ностратики в мировом языкознании останутся без изменений, можно опасаться, что она окажется обречена на постепенное угасание даже в среде московской компаративистики, где она пока что продолжает удерживать позиции во многом за счет высокого авторитета своих «отцов-основателей» и поддержки со стороны ряда лингвистов-профессионалов, частично перечисленных в предыдущем абзаце.

Помимо этого, нельзя не признать, что «внешняя» сторона кризиса во многом завязана на «внутренней». Легко сказать (и в каком-то отношении это даже будет справедливым), что ностратика плохо приживается в западном «мэйнстриме» в первую очередь потому, что представители этого «мэйнстрима» пятьдесят лет тому назад не удосужились внимательно прочитать и проанализировать работы В. М. Иллич-Свитыча, которые были для них физически недоступны; сегодня же, когда проблемы с доступностью исчезли, «мэйнстрим» предпочитает вместо устаревших, с его точки зрения, и к тому же русскоязычных работ Иллич-Свитыча получать основную информацию из монографий главного «ньюсмейкера» ностратики — А. Бомхарда (о нем речь пойдет ниже), в результате чего у них создается заведомо искаженное представление об этой теории. Все это, однако, не имеет никакого отношения к ностратике как к конкретной субдисциплине сравнительно-исторического языкознания: совершенно очевидно, что ее проблемы сегодня не ограничиваются отсутствием должной популяризации среди научной общественности. С точки же зрения чистой науки нас в гораздо большей степени должно волновать другое — есть все основания подозревать, что, даже если перевести все труды Иллич-Свитыча на английский и снабдить их еще более подробными комментариями, ситуация с признанием ностратики вряд ли изменится в корне.

Фундамент прочен



Языки индоевропейской семьи. Автор: Merritt Ruhlen; изображение с сайта The Tower of Babel http://starling.rinet.ru

Главным методологическим прорывом Иллич-Свитыча в свое время было то, что он показал, каким образом реконструированные праязыки — праиндо-европейский, праалтайский, прауральский, прадравидийский и т. д. — можно

подставить на то самое место, которое в рамках индоевропеистики занимали древние индоевропейские языки, рекурсивно применив на этом, еще более глубоком, уровне классический сравнительно-исторический метод и получив тем самым результаты, удовлетворяющие критерию фальсифицируемости. От этапа накопления первичного сравнительного материала (*comparanda*, собранные в первой половине XX в. Х. Педерсеном, А. Тромбетти, С. Тайлером, Т. Бэрроу, К. Менгесом и другими исследователями) он сумел перейти к систематизации и обобщению этого материала. Установленные им регулярные соответствия, прежде всего — реконструкция тройной оппозиции «глухой : звонкий : абруптивный» в подсистеме смычных согласных и небольшая группа наиболее заметных и убедительных грамматических и лексических сопоставлений, подчиняющихся этим соответствиям — до сих пор служат тем цементирующим фундаментом, благодаря которому ностратическое здание, пошатываясь и поскрипывая, все же не рискует обрушиться. Это — та своеобразная «базовая система ностратических ценностей», которую разделяют почти все исследователи, в той или иной степени пытающиеся развивать ностратику и дальше (впрочем, и здесь встречаются отдельные исключения, о которых см. подробнее ниже).

Долгострой

Бесспорен, однако, тот факт, что с момента публикации словаря в свет не вышло *ни одной* исследовательской работы по ностратике, которую небольшое «международное ностратическое сообщество» оценило бы наравне с пионерскими исследованиями Иллич-Свитыча, то есть положения которой вошли бы в «золотой фонд» ностратических открытий, пусть и без излишней догматизации. Ни одно соответствие не было уточнено, ни один новый грамматический формант не был реконструирован, ни одна новая этимология не была предложена так, чтобы *всем* убежденным сторонникам ностратической гипотезы стало очевидно, что это действительно так, и что допустить *иначе* было бы неразумно и непрактично. Новые идеи в ностратике, как правило, либо отвергаются с порога, либо молча игнорируются, либо столь же молча «принимаются» — обычно исходя из общего уважения к авторитету проводника соответствующих идей, скажем, А. Б. Долгопольского или С. А. Старостина — лишь для того, чтобы через пару лет оказаться забытыми и неучтенными в новых исследованиях, единственной отправной точкой которых опять-таки оказывается исходная система Иллич-Свитыча. И дело здесь не в том, правильные ли эти идеи или ошибочные, а в том, что не существует четких и понятных критериев их всесторонней оценки, разделяемых всеми или хотя бы большинством исследователей-ностратистов.

Сравнима ли ситуация с индоевропеистикой?

Конечно, можно было бы предположить, что в результате деятельности Иллич-Свитыча ностратика менее чем за десять лет достигла того уровня, которого, скажем, индоевропеистика достигла к началу XX в.: все основные, бесспорные соответствия установлены, все неопровержимые этимологии найдены, после чего науке остается либо концентрироваться на шлифовке мелочей, либо заниматься во многом спекулятивной внутренней реконструкцией (в каком-то смысле здесь очень вовремя подоспело открытие хеттского языка, позволившее индоевропеистам всего мира затеять увлекательную, но — с точки зрения, например, покойного С. А. Старостина, полностью разделяемой автором данных строк — в целом бесплодную «игру в ларингалы», скорее подрывающую, чем укрепляющую доверие к индоевропеистике среди представителей смежных областей).

Однако если это действительно так, и сегодняшним ностратистам остается лишь «подчищать углы» за Иллич-Свитычем, то перспективы ностратики как таковой на самом деле неутешительны. В индоевропейской реконструкции число надежно обоснованных этимологий исчисляется скорее сотнями, чем десятками, а фонологическая система реконструирована почти целиком (основные споры продолжаются в основном вокруг проблемы фонетической интерпретации реконструированных фонем). Напротив, в ностратике фонетические соответствия, за исключением разве что вышеупомянутой тройной оппозиции смычных по ларингальным признакам, постоянно подвергаются сомнениям, а фундаментальный этимологический корпус вряд ли превышает сотню единиц. (Речь идет об этимологиях, представленных хотя бы в трех ветвях ностратической макросемьи и не вызывающих серьезных критических замечаний с точки зрения регулярности фонетических соответствий и типологии семантических переходов; очень важно также, чтобы речь хотя бы в большой части случаев шла не о «глобальных», «общемировых», а об эксклюзивных именно для ностратической макросемьи этимонах). Верно ли, в таком случае, что это крохотное количество надежной информации — все, что можно предъявить в качестве убедительного доказательства истинности ностратической гипотезы?

В принципе, даже если ответ на этот вопрос — решительное «да», это само по себе не означает, что ностратическая гипотеза должна быть признана менее убедительной, чем индоевропейская. Скудность фундаментальных корреляций была бы подозрительна лишь в том случае, если бы ожидалось, что между праязыками семей, входящих в ностратическую макросемью, таких корреляций должно быть не меньше, чем, например, между праязыками отдельных ветвей внутри соответствующих семей. Но резонных оснований питать такие ожидания на самом деле не существует.

Список Сводеша

Языки уральской семьи. Автор: Merritt Ruhlen; изображение с сайта The Tower of Babel http://starling.rinet.ru

Так, исследование, выполненное в рамках Ностратического семинара Московской школы компаративистики автором данной статьи и его коллегами (М. А. Живлов, А. С. Касьян, А. В. Дыбо и др.), показало, что среди элементов 50-словного списка, отобранного из 100-словного списка Сводеша более или менее в соответствии с индексом стабильности С. А. Старостина (см. G. Starostin 2010), то есть в среднестатистически максимально устойчивой лексике, мы обнаруживаем, например:

- 23 (из 50) *этимологических* схождения между реконструированными праиранским и прагерманским языками;
- от 19 до 21 (из 50) *этимологического* схождения в таких парах современных языков как немецкий-новогреческий или русский-испанский (напр., русск. *дым* ~ испанск. *humo*);
- в этих же парах немецкий-новогреческий и русский-испанский всего от 5 до 7 схождений с высоким уровнем *фонетического сходства* (напр., русск. *у-мер-еть* ~ испанск. *mor-ir*).

Между реконструированными праиндоевропейским и прауральским 50-словными списками обнаруживаются всего лишь 7 *этимологических* схождений (принимаемых всеми ностратологами), и эти же 7 схождений показывают высокое *фонетическое сходство* (напр., и.-е. **wed-* ‘вода’ ~ уральск. **weti* ‘вода’). Вне зависимости от абсолютно-хронологической оценки этих чисел, вряд ли имеет смысл оспаривать то соображение, что реконструировать праностратический язык по праиндоевропейскому, прауральскому и праалтайскому в чём-то сопоставимо, скорее, с попыткой реконструировать праиндоевропейский по таким современным языкам, как, например, латышский, хинди и румынский (и это еще далеко не самые инновативные в плане лексики и фонетики индоевропейские языки).

Утверждения некоторых компаративистов, что такого рода индоевропейская реконструкция была бы в принципе невозможной, вполне согласуются с обычным скепсисом компаративистского мэйнстрима в отношении праностратической реконструкции. Остается открытым вопрос, сколько бы мы обнаружили этимологий между русским и испанским за пределами небольшого числа *фонетически* схожих форм, если бы не имели априорных знаний о древних языках этих групп — старославянском и латыни. Ср., напр., такие *этимологические*, но *фонетические несхожие* сопоставления в пределах 50-словника, как русск. *ухо* ~ испанск. *oreja*, русск. *язык* ~ испанск. *lengua* и так далее.

Мне представляется, что любое сущностное усовершенствование ностратической реконструкции — равно как и других макрокомпаративистских конструктов — должно начинаться с признания этого, на мой взгляд, довольно очевидного факта. К сожалению, в работах самого Иллич-Свитыча он эксплицитно не обозначен, то есть вполне вероятно, что он мог воспринимать бóльшую отдалённость праностратического языка от своих ближайших реконструированных потомков по сравнению с последующими этапами как нечто само собой разумеющееся или самоочевидное, но нигде этого не подчеркивал специально. Была ли, однако, соответствующая поправка сделана в дальнейшем, отразился ли учёт этого фактора надлежащим образом на работе последователей Иллич-Свитыча?

Реконструируемая семантика

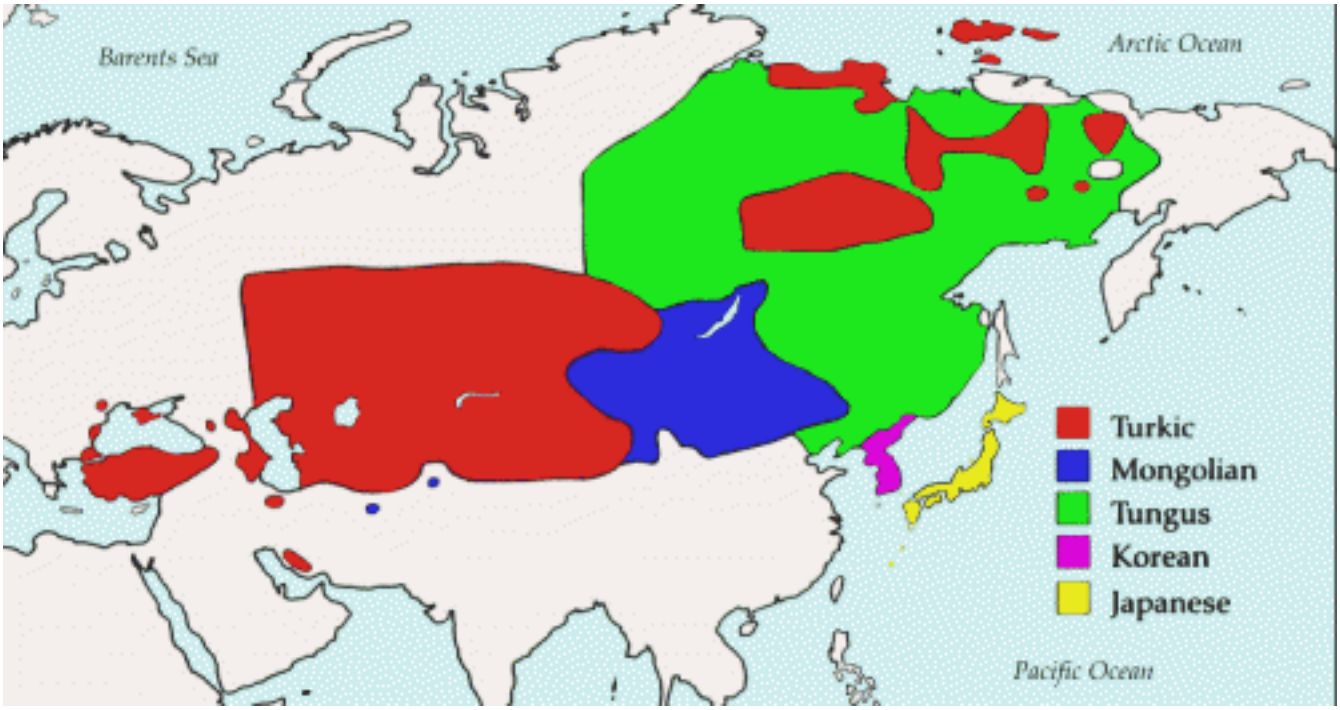
Для того, чтобы ответить на этот вопрос, заданный в конце предыдущего раздела, надо, конечно, сначала хотя бы примерно определить, собственно говоря, *каким* образом этот фактор отдаленных потомков должен был бы учитываться.

1. Если мы согласны с тем, что «ностратическое языковое наследие» дошло до нас в сильно размытом (растранжиренном) виде, естественным было бы попытаться создать своеобразную стратификацию этого наследия, максимально точно постараться определить, на каких языковых уровнях оно должно было сохраниться лучше всего. Иными словами, вместо того, чтобы «брать количеством», имеет смысл концентрироваться в первую очередь на базисной лексике и, возможно, некоторых типах грамматических элементов (но ни в коем случае не на морфологии в целом), и пытаться далее раскручивать ностратический клубок слой за слоем.
2. Поскольку основная цель этимологии — *объяснение*, нахождение логичного и реалистичного *ответа* на *вопрос* о происхождении того или иного слова, то, на мой взгляд, по-настоящему полезна лишь та этимология, которая в совокупности *дает больше ответов, чем ставит новых вопросов*. Так, этимология русского слова *ухо* объясняет его как восходящее к праиндоевропейскому корню **ous-*, который в большинстве индоевропейских языков сохранился, в нескольких был замещён производными от корня **kleu-* ‘слышать’, а еще в нескольких — на слова неясного происхождения, типа иранского **gauša-*, про которое мы не можем твердо сказать, откуда оно берется, но можем твердо назвать его инновацией, как из соображений общей корневой дистрибуции (**ous-* представлено в большинстве и.-е. ветвей, **gauša-* — только в иранской), так и из того, что старое двойственное число *ušī* ‘уши’ еще обнаруживается как архаизм в авестийском. Это — хорошая этимология.

Напротив, этимология, связывающая и.-е. **okʷ-* ‘глаз’ с алт. **uk'u* ‘понимать, замечать’ (сопоставление восходит еще к словарю Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч 1971: 255—256] и с тех пор регулярно воспроизводится во всех прочих ностратических компендиумах), ставит больше вопросов, чем решает, даже несмотря на то, что она *в целом* как бы безупречна не только в плане фонетики, но и семантики: действительно, как писал еще Иллич-Свитыч, в алтайском легко предположить семантическое развитие ‘видеть’ → ‘знать’ (точнее, ‘понимать’, так как значение ‘знать’ соответствует другим алтайским этимонам). Но означает ли это для ностратического корня **Huk'a* семантику ‘глаз’ или ‘видеть’? На этот вопрос ни один из существующих словарей не отвечает. Наверное, ‘видеть’, поскольку обратное семантическое развитие ‘глаз’ > ‘видеть’ эмпирически очень редкое. Значит, мы нащупали тем самым праностратический глагол ‘видеть’, в и.-е. сохранившийся в инновативном именном производном. Тогда откуда берутся новые корни со значением ‘видеть’ — как в и.-е., так и в алтайских языках? И, самое главное, действительно ли верно то, что данная алтайско-индоевропейская изоглосса — наиболее вероятный и достоверный кандидат на заполнение значения ‘видеть’ на праностратическом уровне, настолько же, насколько **ous-* и **okʷ-* — наши вернейшие кандидаты на значения ‘ухо’ и ‘глаз’ соответственно в праиндоевропейском? Ведь в существующих ностратических компендиумах имеются и другие претенденты на значение ‘видеть’ — в одном словаре Долгопольского [Dolgopolsky 2012] их около десятка.

Разумеется, и в индоевропейских этимологических словарях такая мнимая праязыковая синонимия встречается на каждом шагу, но механизмы ее снятия на праиндоевропейском уровне гораздо яснее и проще, чем на праностратическом; никто не станет говорить, что иранское **gauša-* — более вероятное праиндоевропейское ‘ухо’ по умолчанию, чем **ous-*, а вот с ностратическим ситуация заведомо более спорная.

Сценарий исторического развития



Языки алтайской семьи. Автор: Merritt Ruhlen; изображение с сайта The Tower of Babel http://starling.rinet.ru

Иными словами, на мой взгляд, из нескольких конкурирующих моделей существования и развития ностратической теории в наиболее выигрышной позиции окажется та, которая будет способна представить максимально достоверный и лишенный внутренних противоречий сценарий исторического развития от праностратического к его потомкам. Конечно, любая работа по ностратике есть реконструкция, и однозначных ответов на любой вопрос становится тем меньше, чем глубже мы проникаем, но на самом деле ситуации, в которых при выборе между сценарием А и В объективных аргументов в пользу обоих сценариев *равное* количество, возникают крайне редко — гораздо чаще мы просто не берем на себя труд эти аргументы посчитать, сопоставить и, что немаловажно, доступным и подробным образом описать.

В конечном итоге лингвистический мэйнстрим окажется вынужденным признать достоинства ностратической теории тогда и только тогда, когда нам удастся ясно и относительно просто показать, что ностратический сценарий в историческом плане неизбежен — что общий ностратический паззл, составленный по понятным и объективным правилам из тех разрозненных кусочков, которыми мы сегодня жонглируем еще в значительной степени свободным образом, ограничивая себя разве что регулярностью фонетических соответствий, все-таки *складывается*. Но еще более важным следствием такого подхода станет то, что мы получим, наконец, возможность реально сдвинуть ностратическое языкознание с мертвой точки — не говоря уже о том, насколько усовершенствование рабочей методики на верхних уровнях реконструкции будет способствовать аналогичному усовершенствованию на уровнях более низких.

Современные школы

Посмотрим теперь с этой точки зрения, насколько близко к решению (или хотя бы к постановке) такой задачи подходят основные направления в современной ностратике. Таковых, как известно, три: (а) «чарльстонская школа» ностратики (термин Дж. Бенгтсона), представленная А. Бомхардом и его словарем; (б) школа А. Б. Долгопольского, представленная А. Б. Долгопольским и его словарем; (в) Московская школа компаративистики, представленная базой, составленной С. А. Старостиным и дополненной многочисленными этимологическими сопоставлениями, в разное время предложенными участниками Ностратического семинара.

Аллан Бомхард

На школе Бомхарда останавливаться подробно, наверное, не имеет смысла. Её упор — на строгом выполнении фонетических соответствий и типологической верифицируемости этих соответствий при абсолютном игнорировании семантической реконструкции в каком-либо виде; критические недостатки подхода Бомхарда, который не только не стремится к точности семантических сопоставлений, но, наоборот, использует вариативность семантики в языках-потомках как своего рода «бонус», были в свое время наглядно вскрыты в работах Е. А. Хелимского, но так и не были исправлены автором, что, в свою очередь, неизбежно привело к превращению школы Бомхарда в полный абсурд (ср. его недавнюю совместную с А. Фурне

монографию о хурритском как индоевропейском языке).

К сожалению, школа Бомхарда, сколь бы благими ни были ее намерения, представляет откровенно антинаучный подход, хотя, оставаясь строго в рамках младограмматической идеологии, доказать это трудно, если вообще возможно, так как в вопросах семантики, не говоря уже о лексикостатистике, младограмматики не сумели достигнуть тех же высот, что в вопросах фонетики. Но, на мой взгляд, Е. А. Хелимский в своих работах (напр., [Хелимский 1989/2000]) вполне убедительно доказывает нефальсифицируемость методики Бомхарда, а совсем недавно в своей рецензии на индоевропейско-хурритскую монографию А. С. Касьян опровергает ее эффективность с помощью лексикостатистического метода. К превеликому сожалению, на Западе именно работы Бомхарда по ностратике до сих пор остаются наиболее доступными трудами как для массового, так и для профессионального читателя; до тех пор, пока это положение не изменится, на уважение к ностратике в западных научных кругах рассчитывать будет сложно.

Арон Борисович Долгопольский

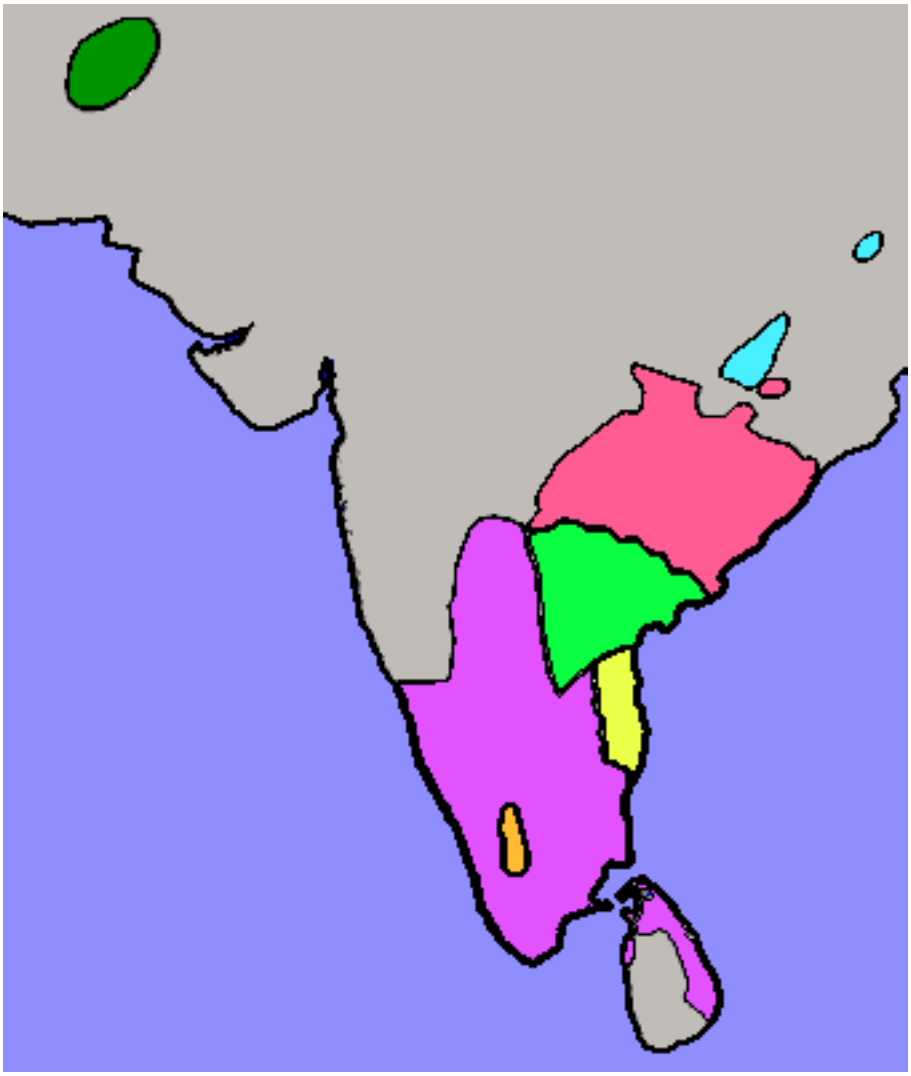
Перейдем к менее однозначной теме — школа А. Б. Долгопольского. Она представлена фундаментальным ностратическим словарем (ок. 2800 этимологий), над которым автор работал в общей сложности более 40 лет [Dolgopolsky 2012]. По сравнению с исходным корпусом Иллич-Свитыча корпус Долгопольского разросся примерно втрое и содержит массу перспективных новых сопоставлений. Словарь подвергался критике за чрезмерный объем, сложность транскрипции, неудобочитаемость и тому подобное — все это, на мой взгляд, не очень существенно (объем вполне соответствует типичному объему подробного этимологического словаря любой семьи, по языкам которой можно собрать достаточно данных; транскрипция и полиграфия легко исправимы и совершенствуемы).

Словарь Долгопольского может на первый взгляд показаться логическим развитием деятельности Иллич-Свитыча, и по чисто формальным критериям, в общем, так оно и есть: слегка модифицируя исходную систему соответствий (но без каких-либо фундаментальных «потрясений», аналогичных модификациям Бомхарда, основанным на типологических соображениях), автор словаря просто вводит в обиход большое количество новых этимологических сближений. Никаких попыток сущностного изменения подхода к реконструкции у Долгопольского по сравнению с Иллич-Свитычем нет, да автор и не ставит перед собой такой задачи.

Издержки этого подхода, однако, становятся очевидными по мере наращения корпуса, и первое, что здесь бросается в глаза — безудержное постулирование праязыковой синонимии. Беглый просмотр семантического индекса к словарю, например, выдает нам следующую анатомию ностратического человека: 5 ‘голов’ (это только ‘буквальные’ головы, где в корне нет никакого значения, кроме ‘голова’; есть еще примерно столько же ‘переносных’ голов, где ‘голова’ перечисляется через запятую с ‘верхушкой’ и т.п.) с 3 ‘мозгами’, 7 ‘глаз’ (2 ‘чистых’ и пять ‘видеть / глаз’), 4 ‘носа’, 5 ‘языков’, 7 ‘зубов’, ≈ 10 ‘рук’ (не считая пальцев и ладоней), столько же ‘ног-feet’ (не считая отдельных ступней и ног-legs) и не менее 3 обычных ‘пенисов’ и еще 3 ‘пениса / хвоста’.

Подобного рода картина неизвестна ни для одного языка мира и, следовательно, не может быть с достаточным основанием спроецирована и на праностратический (думаю, что абсурдность возможного возражения типа «почему же нет, ведь они реконструируются, значит, так и было» доказывать не нужно). Можно, конечно, как-то пытаться объяснить это стилистической синонимией (‘голова’, ‘башка’, ‘котелок’, ‘черепушка’ и т. д.) или семантической неточностью реконструкции (не только ‘голова’, но еще и ‘верхушка’, ‘темя’, ‘лоб’, ‘лицо’ и т.п.), но ни тот, ни другой аргумент неубедительны: стилистическое объяснение является адхоковым, так как обосновывается чисто умозрительно, без опоры на реальную семантику, а неточностное не учитывает, что и для всех слов типа ‘верхушка’, ‘темя’ и т.п. в словаре есть *свои* вхождения, как правило, тоже многочленные.

Неудовлетворительность этой ситуации заключается еще и в том, что каждая такая отдельная этимология, если только в ней соблюдаются фонетические соответствия и не предполагается заведомо невероятных семантических развитий, теоретически *может* быть верной. Но анализ всего соматического (как и любого другого) комплекса в целом оставляет болезненное впечатление — *непонятно*, можно ли на его основании составить стопроцентно (или сколько-либо-процентно) достоверный исторический сценарий развития анатомической лексики от праностратического к языкам-потомкам. Это означает, что новые этимологии А. Б. Долгопольского по большей части ставят не меньшее количество вопросов, чем они призваны разрешать, а элементарные вопросы, такие, как «как на праностратическом звучало слово ‘нос’?», остаются без ответа (вариант «то ли **neqVrV*, то ли **ŋäqaŝa*, то ли **pVnč’V*, то ли **q’uŋa*, а может быть, все четыре способа», конечно, не может рассматриваться всерьез).


Языки дравидийской семьи. Автор: Merritt Ruhlen; изображение с сайта The Tower of Babel http://starling.rinet.ru

Вторая нерешенная проблема, тесно связанная с первой — категорическое и, я бы даже сказал, воинствующее игнорирование дистрибуционного фактора. В этой связи очень интересна заочная полемика А. Б. Долгопольского на стр. 42 «Ностратического словаря» [Dolgopolsky 2012] с критическими замечаниями С. А. Старостина, опубликованными в одной из его статей. С. А. Старостин высказывал сомнения относительно закономерности привлечения к внешнему сравнению потенциальных когнатов, сохранившихся только в одной ветви одной из семей, составляющих макросемью (например, подмена общеафразийского корня семитским, или, еще хуже, арабским корнем; общеалтайского корня тюркским или, еще хуже, японским и так далее). Долгопольский не видит в этом никакой проблемы, сравнивая эту ситуацию с, например, законной возможностью привлечения готского (но не общегерманского) материала к общеиндоевропейской этимологии. При этом он справедливо подчеркивает, что по-настоящему опасным использование таких лексических изолятов будет только на этапе *предварительного сравнения* и *доказательства* языкового родства — но, учитывая, что существование ностратической семьи уже доказано Иллич-Свитычем на материале «хороших», то есть заведомо реконструируемых на всех уровнях корней, на этапе расширения этимологического корпуса использование лексических изолятов не только допустимо, но, наоборот, должно только приветствоваться.

На чисто теоретической основе этот конфликт мнений неразрешим. Если мы готовы работать с ностратической моделью как с рабочей или даже как с доказанной гипотезой, то очевидно, что, скажем, пермско-сванская или славяно-маньчжурская изоглосса будет слабее, чем соответственно праурало-пракартвельская или праиндоевропейско-праалтайская, но слабость сама по себе не эквивалентна *невозможности*, и даже строгие вероятностные оценки здесь не помогут.

Дистрибуционно-семантические свойства этимологий Долгопольского

Единственное, на мой взгляд, что может реально помочь разрешить указанную проблему для каждого конкретного случая в отдельности — проверка этимологии на *реалистичность* с помощью *дистрибуционно-семантического критерия*. Поясним на конкретном примере, выбранном почти произвольно из словаря Долгопольского (подобной же процедуре легко можно подвергнуть любую другую этимологию).

Ностр. *ńaḲo ‘soft parts of the animal’s body (liver, marrow, suet)’ восстанавливается на основании сравнения и.-е. *yekʷ-r̥-t ‘печень’ (обще-узкоиндоевропейский без анатолийского и тохарского) : финно-угорск. *ńokwV ~ *ńoɣwV ‘мясо’ (реально — только обско-угорск. *ɲęɣęł) : др.-тюрк. jaqrɨ ‘нутряной жир’ : семитск. *nqy ‘костный мозг’ (реально — только арабск. niqy). Каков должен быть механизм верификации предложенной этимологии?

Во-первых: следует понять, что скрывается за выражением ‘soft parts of the animal’s body (liver, marrow, suet)’. Если оно претендует на статус семантической реконструкции, то есть обозначение *родового* термина, объединяющего (а) внутренние органы + (б) мозговую субстанцию + (в) жир животного, следовало бы прежде всего убедиться в том, что такой термин вообще существует в каком-либо естественном языке (речь идет не о ‘внутренностях’, а именно о ‘всем, что есть внутри тела, но не есть мясо и не есть кости’; кстати, включается ли сюда кровь?). Если такого слова не бывает (бремя доказательства лежит здесь на этимологе), значит, это не может быть семантической реконструкцией, так как мы восстанавливаем означаемое, аналога которого в живых языках не существует, причем делаем это в пределах базисной лексики.

Скорее всего, однако, даже сам А. Б. Долгопольский сказал бы, что это не точная семантическая реконструкция, а лишь выведение некоего общего семантического компонента (*инварианта*), обуславливающего возможность развития от одного значения к другому. Тогда перед нами встает новая задача: допуская, что этимология верна, выявить исходное значение. Здесь, переходя к конкретным семьям, мы оцениваем дистрибуцию:

(а) и.-е. ‘печень’ может действительно считаться реальным кандидатом на обще-и.-е. ‘печень’, пусть даже без хеттского (*lessi*);

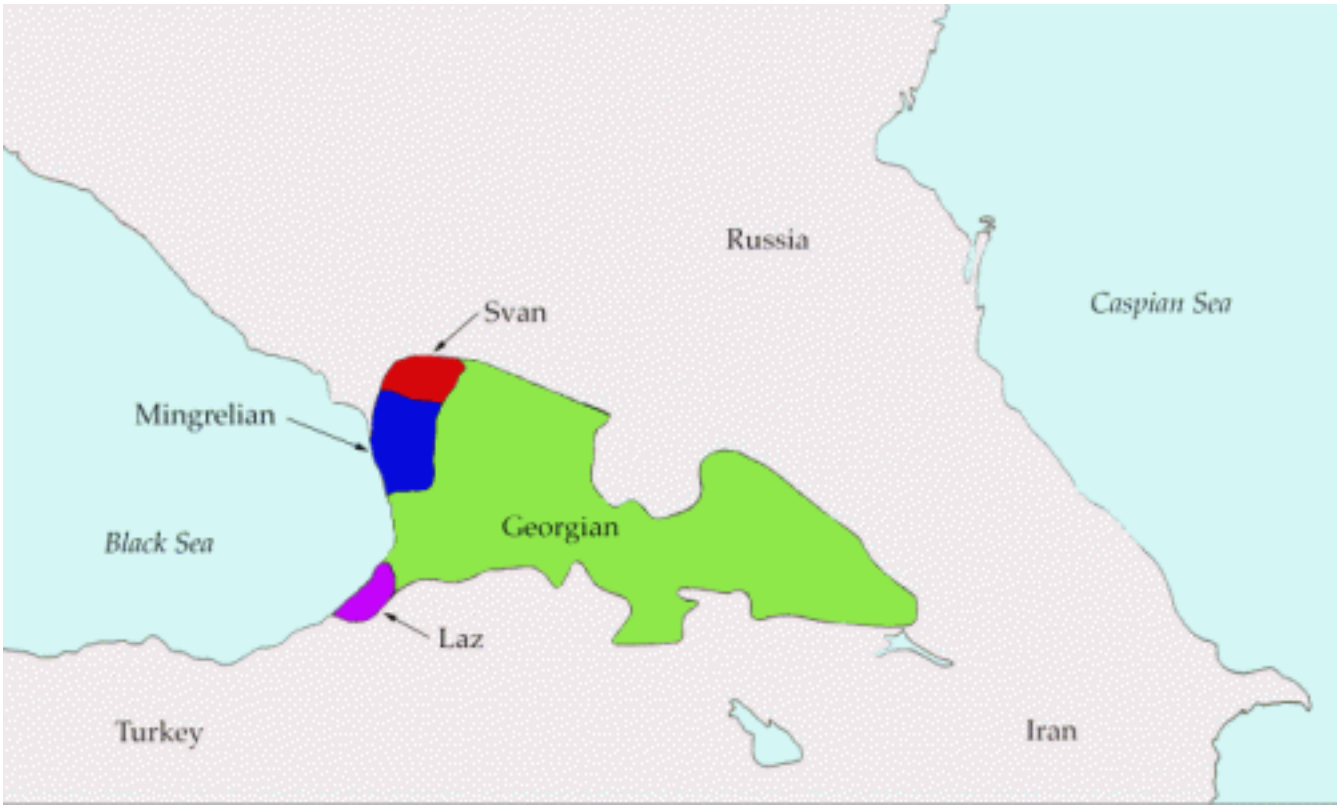
(б) обско-угорское *ɲęɣęł теоретически допустимо вывести на прауральский уровень как ‘мясо’ с замещением в финно-пермском на *siwVĺV и в самодийском на *åjå, но это значительно менее надежная реконструкция, чем и.-е. ‘печень’;

(в) др.-тюрк. jaqrɨ обычно рассматривается как производное от глагола jaq- ‘мазать’, что типологически вполне реально, и подозревается на предмет связи с общетюрк. *jāɣ- ‘жир’; вне зависимости от этих этимологизаций оно выполняет в др.-тюрк. примерно те же функции, что общетюркское *bań ‘жир, масло’, которое в др.-тюркских памятниках как раз отсутствует; в связи с этим логично смотрится вытеснение в др.-тюрк. старого *bań за счет новообразования jaq-rɨ;

(г) для прасемитского наилучшим кандидатом на роль ‘костного мозга’ был бы корень *muḫḫ-, сохраняющий это значение в арабском, арамейском и иврите (иногда с вторичным развитием значения ‘мозг’, или, возможно, изначально с полисемией ‘мозг / костный мозг’). Следовательно, арабск. niqy либо не отражает прасемитскую основу, либо имело в прасемитском какое-то другое значение.

Итак, отбросив значения ‘костный мозг’ (семитский) и ‘жир’ (тюркский), мы остаемся с индоевропейской ‘печенью’ и уральским (обско-угорским) ‘мясом’. Следующий этап — типологический. Если исходное значение — ‘мясо’, бывает ли развитие от ‘мяса’ к ‘печени’? Если исходное значение — ‘печень’, бывает ли развитие от ‘печени’ к ‘мясу’? Оба слова входят в активно разрабатываемый на московском Ностратическом семинаре 50-словный список по языкам мира, и до сих пор ни одного развития подобного рода встречено не было. Следовательно, если мы не хотим отвергнуть этимологию, необходимо предложить «компромиссное» значение, из которого можно вывести и ‘мясо’, и ‘печень’. Существует ли такое значение? На этот вопрос я не могу дать ответ, но до тех пор, пока оно (а) не будет найдено и (б) не будет очевидно, что для выражения этого значения на праностратическом уровне нет более вероятного кандидата, я буду отвергать этимологию *ńaḲo, считая ее плохо обоснованным сравнением.

Понятие «исторической силы» для этимологий



Языки картвельской семьи. Автор: Merritt Ruhlen; изображение с сайта The Tower of Babel http://starling.rinet.ru

Что важно подчеркнуть: речь не идет о ригористическом подходе, который исповедуют некоторые пуристы от компаративистики, — взять, например, и просто выкинуть из рассмотрения все слова с плохой дистрибуцией. Здесь скорее полезным было бы ввести понятие реконструируемости (reconstructibility), которое можно с некоторым огрублением определить так: морфема M_1, обладающая значением [S] в языке L_1, реконструируема в этом же значении для праязыка P[L_1 … L_n] тогда и только тогда, когда в совокупности родственных L_1 языков {L_2, L_3 … L_n} *отсутствует* морфема M_2 с тем же значением [S], обладающая большей *исторической силой*, нежели морфема M_1. В свою очередь, историческая сила M_1/M_2 может измеряться по нескольким параметрам, как-то: (а) соотношение дистрибуции по языкам и ветвям семьи; (б) первичность или производность морфологической структуры; (в) семантические связи M_1 и M_2 с родственными словами (если M_1 в языке L_1 и M_2 в языке L_2 имеют значение ‘рука’, но M_1 в языке L_2 имеет значение ‘брать’, это почти наверняка означает нереконструируемость M_1 в значении ‘рука’); (г) возможность заимствованного происхождения.

Что это означает на практике? Что *правомерно* к внешнему сравнению привлекать в каждом конкретном случае лишь ту из морфем, которая обладает большей исторической силой. Так, прасаамское **tāktē-* ‘кость’ может быть сопоставлено с какими-нибудь внешними ностратическими параллелями, но *только* на том условии, что мы возводим его к гипотетической прауральской основе с *иным* значением, нежели ‘кость’, потому что по своей исторической силе оно значительно уступает общеуральскому **luwi*. Но бывает и так, что на то или иное значение праязыка претендует несколько морфем, обладающих примерно одинаковой исторической силой. Для того же прауральского, например, набирается не менее трех-четырех морфем, которые *могли* бы обладать в этом языке значением ‘черный’ (балто-финнск. **musta*, саамск. **ćāppę-*, марийско-пермск. **simV* и др.). При этом неправомерным, однако, было бы брать в одну ностратическую этимологию **ćāppę-*, в другую — **musta*, в третью — **simV* и т. д. и приписывать всем итоговым ностратическим корням этимологию ‘черный’. Сопоставление индоевропейского **ed-* ‘есть (принимать пищу)’ с монгольским **ide-* ‘есть’ фонетически допустимо и в целом очень соблазнительно, но основным алтайским корнем со значением ‘есть’, обладающим гораздо большей исторической силой, является *ǯē* (тюрко-тунгусо-корейская изоглосса) с хорошей внешней параллелью в уральском (**sewi* ‘есть’), и, следовательно, мы должны либо вообще отказаться от этимологии **ed-* : **ide-*, либо постулировать для индоевропейского и монгольского независимое семантическое развитие из какого-то значения, близкого к ‘есть’ — здесь прояснить ситуацию может только дальнейшее этимологическое расследование возможных параллелей в других ностратических языках.

Из всего вышесказанного как минимум ясно, что этимологии Долгопольского — это лишь *второй* из как минимум трех необходимых этапов этимологизации. Этапы эти таковы: (а) накопление сырого материала на основаниях фонетико-семантического сходства; (б) фильтрация материала через систему регулярных фонетических соответствий; (в) дистрибуционно-семантическая организация материала для превращения его в реальную «информационную базу» по лексическим знакам праностратического языка, то есть оценка каждого компонента этимологии на реконструируемость. В своем ответе на критику А. Б. Долгопольский, по большому счету, отрицает необходимость третьего этапа. Мне же, напротив, кажется, что только признание за ним *критически значимого* статуса способно как вывести ностратику на новый виток развития, так и, быть может, в будущем обеспечить рост уважения к ней на международном уровне.

Сергей Анатольевич Старостин и Московская школа

Как отражен третий этап сопоставления в ностратической базе Московской школы (“Nostratic etymology”)? В целом, конечно, плохо. Из примерно двух тысяч этимологий в этой базе лучшие сопоставления — как правило, те, которые восходят к словарю Иллич-Свитыча; для остальных точно так же, как у Долгопольского, не предлагается никаких сценариев семантического развития. Есть одно важное положительное отличие: в базе довольно тщательно отбираются в основном такие корни, которые обычно имеют хорошую дистрибуцию в языках-потомках, являясь скорее реконструируемыми в том или ином значении, чем нет. Однако, как уже было сказано выше, «хорошая дистрибуция» и «реконструируемость» — не обязательно одно и то же.

Что, собственно, предлагается делать в этой ситуации? Переход от сырого подбора этимонов, пусть даже формально удовлетворяющих критериям фонетических соответствий и семантического сходства, к более детализированной этимологической работе. Я скажу, быть может, даже слегка крамольную вещь, но, на мой взгляд, в ностратической этимологии так, как делают ее и Долгопольский, и все остальные «хорошие» ностраты-этимологи, баланс чересчур сильно смещен в сторону поиска соответствий — притом, что на самом деле мы ведь до сих пор даже не можем быть уверены в том, что все регулярные соответствия между ностратическими языками уже обнаружены и обнаружены правильно (сравни выше ситуацию с современным русским и испанским). Точнее, идея не в том, что соответствия могут не отвечать требованиям регулярности (хотя этот вопрос требует отдельного, более детального обсуждения), а в том, что, убедив себя в регулярности соответствия и обнаружив поверхностное семантическое сходство, часто хочется на этом и завершить работу над этимологией, меж тем как этого недостаточно (собственно говоря, недостаточность эта в свое время и была продемонстрирована Хелимским; работа Бомхарда в ностратике, аналогично работе К. Эрета в африканистике — это лишь доведение до абсурда тех недостатков, которые присущи и «хорошим» работам по дальнему родству).

Выводы

Перехожу к выводам. Этимология по-настоящему хороша тогда, когда она образует систему. Ностратическая этимология станет по-настоящему убедительной тогда, когда, например, ностратический человек начнет, наконец, как положено любому нормальному человеку, состоять из одной головы с одним мозгом, одним носом, одним языком, двумя руками (hand-arm), двумя ногами (foot-leg) и так далее, причем в сопутствующем ностратическом этимологическом словаре будет показано, почему и как производится выбор термина, и каким образом данные и логически трезвое, последовательное взвешивание аргументов pro et contra сами подводят нас к выбору оптимального решения. По большому счету, именно на такой подход и завязан основанный нами проект «Глобальная лексикостатистическая база данных».

Одной из его задач было, в частности, выработка новой ностратической лексикостатистики, основанной на принципе ступенчатой семантической реконструкции. Подсчеты для этой цели ограничивались 50-словником — максимально устойчивой половиной списка Сводеша. Для заданной семьи определенного хронологического уровня (скажем, индоевропейской) делается реконструкция сначала по подгруппам, затем — общая, в ходе которой выбирается по возможности один наиболее релевантный кандидат на праязыковое значение (в некоторых случаях, впрочем, это реально невозможно). При переходе на новый хронологический виток сравнения (скажем, от праиндоевропейского к праностратическому) к дальнейшему лексикостатистическому сравнению допускается только этот кандидат. Тем самым во многом снимается проблема праязыковой синонимии.

Что дает новая лексикостатистика? Во-первых, предсказуемое уменьшение числа когнатов между отдельными ветвями праностратического, и, тем самым, удревнение даты распада примерно на две тысячи лет по сравнению с ранее обнародованными цифрами. Во-вторых, такие любопытные результаты, как объединение индоевропейского с уральским (а не уральского с алтайским). В-третьих, очень раннее обособление дравидийского и картвельского (примерно так, как это предполагал Гринберг). Но самое главное — несмотря на ужесточение и формализацию критериев, лексикостатистика продолжает показывать достаточно надежную базу для группировки всех ностратических языков вместе друг с другом, отделяя их от, например, афразийской и сино-кавказской макросемей, данные по которым также подсчитаны.

Мне представляется, что 50-словник с его сверхустойчивой лексикой — это та «печка», от которой можно дальше плясать в разработке ностратической этимологии. Причем очень важно в этом процессе обращать внимание не только на те слова, которые *имеют* ностратические этимологии, но и на те, которые их *не* имеют, вплоть до того, чтобы подумать, может быть, даже о том, чтобы отталкиваться в этимологической работе не от *корня* как формы означающего под звездочкой, подразумевающей скорее целое семантическое поле, чем конкретную семантику, а от *значений*, организованных в семантическое поле, для которых (по методике, уже давно разработанной А. В. Дыбо [А. Дыбо 1995], но так и не нашедшей до сих пор массового применения) имеет смысл строить номинационные решетки. Если для языков, связанных близким родством, этот громоздкий метод во многом избыточен, то для этимологии типа ностратического он, на мой взгляд,

оказывается единственно приемлемым для того, чтобы этимология эта стала реально доказательной.

Подытоживая все вышесказанное, скажу лишь, что, на мой взгляд, из того очевидного застоя, в котором находится ностратическая этимология, выход есть — но он сопряжен с довольно серьезными методологическими «реформами», которые, возможно, придутся не по душе большинству исследователей, давно и, на их взгляд, якобы успешно работающих якобы в полном соответствии с требованиями сравнительно-исторического метода. Если же эти реформы не проводить, а также, что очень немаловажно, не проводить большую разъяснительную работу с «прогрессивной общественностью» относительно их целей и средств, то ностратика так навсегда и останется своего рода «этимологическим болотом».

Выражаю благодарность Алексею Касьяну и Михаилу Живлову за помощь в подготовке публикации.

Литература:

Долгопольский, А. Б. (1964a): Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (Проблемы фонетических соответствий). *VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (август 1964)*. М., 1964, 1—22.

Долгопольский, А. Б. (1964b): Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии с вероятностной точки зрения. *Вопросы языкознания* 1964, № 2, 53—63.

Дыбо, А.В. (1995): *Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс)*. М., 1995.

Иллич-Свитыч, В.М. (1964): Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения. *Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков*. М., 1964, 22–26

Иллич-Свитыч, В.М. (1967): Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидийский, картвельский, семито-хамитский) *Этимология 1965*. М., 1967, 321–373.

Иллич-Свитыч, В.М. (1968): Соответствия смычных в ностратических языках. *Этимология 1966*. М., 1968, 304–355

Иллич-Свитыч, В.М. (1971): Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Т. 1: Введение. Сравнительный словарь (*b* — *ḳ*). М., 1971.

Иллич-Свитыч, В.М. (1976): Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Т. 2: Сравнительный словарь (*l* — *ʒ*). М., 1976.

Иллич-Свитыч, В.М. (1984): Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Т. 3: Сравнительный словарь (*p* — *q*). М., 1984.

Хелимский, Е.А. (1989/2000): К оценке надежности индоевропейско-семитских лексических сопоставлений. В: Хелимский, Е.А. *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. М., 2000, 481–486 [первая публ.: *Палеобалканистика и античность*. М., 1989, 13–20.]

Campbell, L. (1998): Nostratic: a personal assessment. In: J. C. Salmons & B. D. Joseph (eds.). *Nostratic: sifting the evidence*. Amsterdam: Benjamins, 107–152.

Dolgopolsky, A. (2012): *Nostratic Dictionary*. 3rd ed. Cambridge, UK: McDonald Institute for Archaeological Research. Available: http://www.dspace.cam.ac.uk/handle/1810/244080

Kaiser, M., V. Shevoroshkin (1988): Nostratic. *Annual Review of Anthropology* 17: 309–329.

Manaster Ramer, A. (1993): On Illich-Svitych's Nostratic theory. *Studies in Language* 17: 205–249.

Manaster Ramer, A. (1994): Clusters or Affricates in Kartvelian and Nostratic? *Diachronica* 11: 157–170.

Manaster Ramer, A. (1995): О ностратической теории В. М. Иллич-Свитыча. *Московский лингвистический журнал* 1: 51–98.

Pedersen, H. (1903): Türkische Lautgesetze. *Zeitschriften der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 57: 535–561.

Starostin, G. (2009): Review of Campbell & Poser, 2008, “Language Classification”. *Journal of Language Relationship* 2: 158–174.

Starostin, G. (2010): Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach. *Journal of Language Relationship* 3: 79–116.